

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НЕКОТОРЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОСЛЕВОЕННОЙ ИММИГРАЦИИ В КАНАДУ

После второй мировой войны в канадской историографии появилось немало работ, посвященных различным аспектам иммиграции. Интерес ученых Канады к этому сложному и важному социальному явлению не случаен. Он определяется огромной ролью, которую всегда играла и продолжает играть иммиграция в жизни страны. Кроме того, в связи с кризисом конфедерации в 60-х годах и ростом национального движения франкоканадцев усилился интерес исследователей к этническим процессам и в частности к роли этноса в современном обществе. Изучение подобных проблем в Канаде неизбежно связано с изучением иммиграции.

К иммиграционным проблемам обращаются историки, экономисты, этнографы, этносоциологи, социологи. Так, например, канадскими этносоциологами и социологами написан ряд работ о социальной мобильности различных этнических групп, о переходе их представителей из одного социального класса в другой, о вхождении новых членов в социальную или этническую группу. В той или иной мере эти процессы затрагивают и послевоенных иммигрантов.

Особое место в такой литературе занимает работа профессора социологии Карлтонского университета Джона Портера¹. Монография является плодом десятилетнего труда. Уже само название книги — «Вертикальная мозаика. Анализ социального класса и власти» — отражает широко распространенное представление о канадском народе как о «мозаике», состоящей из различных этнических групп. Оно предупреждает также читателя и о намерении автора, не ограничиваясь исследованием национальных отношений, показать нынешнее канадское общество в вертикальном разрезе, вскрыть его социальную структуру снизу доверху. Автору в известной мере удалось осуществить свое намерение. Нарисованная им картина, не похожая на привычное изображение Канады как страны «всеобщего благоденствия» и «равных возможностей», оказались неожиданностью для многих даже в самой Канаде. Книга Портера вызвала в стране большой резонанс, тираж ее быстро разошелся, и сейчас готовится новое издание. Успех книги объясняется также тем, что в связи с обострением конфликта двух наций современные социальные и национальные проблемы глубоко волнуют всех канадцев.

Главная задача книги Д. Портера — исследовать место и роль отдельных социальных групп и слоев населения в структуре канадского общества, а также влияние этих слоев на экономику. Однако специфика Канады, страны с пестрым этническим составом, заставила автора обратить самое пристальное внимание и на изучение национальных проблем. Первоначально автор ставил своей целью вскрыть природу связей и взаимного влияния «этноса и общественного класса». Но в ходе исследования он обнаружил, что между различными этническими группами существуют «иерархические отношения». Более того, оказалось, что эти иерархические отношения определяются «проблемой класса и власти», без анализа которой невозможно понять причину существующего социального неравенства различных этнических групп.

Однако неверное представление Портера о природе буржуазного государства, ложное понимание им «общественного класса» как профессиональной группы или слоя помешали автору показать истинную суть отношений между классами современного канадского общества и характер связи классов с этносом.

Положительное значение работы Портера — в глубоком, основанном на богатом и крайне интересном материале, анализе скрытых от поверхностного взгляда процессов и тенденций капитализма. В то же самое время, как и многие другие буржуазные ученые, Портер утверждает, что реальная действительность якобы не подтвердила истинности классовой теории Маркса.

И хотя работа Портера изобилует рассуждениями о проблеме социального неравенства при капитализме, эти рассуждения то и дело перемежаются с заявлениями о том, что Марксова теория классовой борьбы якобы устарела и что капитализм будто бы «прошел свой путь гораздо менее насильственным способом, чем полагал Маркс»².

¹ J. Porter, *The Vertical mosaic. An Analysis of social class and power*, Toronto, 1965.

² J. Porter, Указ. раб., стр. 19.

Автор книги настроен весьма скептически относительно перспектив рабочего движения в странах Северной Америки. Более того, Портер склонен вообще отрицать право на существование в настоящее время таких понятий, как «пролетариат» и «буржуазия». Он готов допустить, что в XIX в. могла сложиться ситуация, при которой две группы, классифицируемые по критерию собственности, можно было признать определенными социальными категориями. Сегодня же, по мнению Портера, общественные классы представляют собой не более, чем статистические понятия, поскольку изменились как условия труда, так и окружающая среда. Портер полагает, что пролетариат меняет свою сущность, так как непрерывно растет количество и качество квалифицированного труда, а буржуазия в свою очередь оказывается под усиливающимся контролем общества. Капитализм из предпринимательского, каким он был в прошлом веке, превратился ныне в «корпоративный». Таков конечный итог рассуждений Портера.

Несмотря на несостоятельность общей теоретической схемы книги, автор не смог пройти мимо опасных последствий развития «корпоративного капитализма». Портер предупреждает канадского читателя об угрожающей концентрации экономической мощи в руках относительно небольшого числа крупнейших компаний и трестов, тесно связанных друг с другом и с ведущими банками страны.

Изучая положение различных этнических групп страны, Портер показывает статус этих групп в обществе и изменение его на протяжении нескольких десятилетий, если оно происходило. Исследование строится на сравнительном анализе материалов переписей и статистических справочников. Частично учитываются также сведения о «заявленной специальности» иммигрантов.

Работа Портера проливает свет на такой важный вопрос, как структурная ассимиляция иммигрантов. Под структурной ассимиляцией он понимает «движение вверх от статуса въезда к равенству»³. «Статус въезда», по Портеру, означает низкий профессиональный уровень, который был предопределен в Канаде менее привилегированным этническим группам иммигрантов. Автор устанавливает пропорцию каждой этнической группы в профессиональных категориях и определяет динамику изменения этих пропорций.

Движение национальных групп по социальной, вернее профессиональной, лестнице прослеживается в книге путем сравнения и сопоставления материалов переписей за несколько десятилетий, в частности за 1931, 1951, 1961 гг.

С точки зрения занятий отдельных национальных групп современное канадское общество представляется автору в виде вертикальной мозаики, вернее мозаичной пирамиды. Согласно разработанной им схеме, доля англоканадцев в каждой профессиональной группе возрастает по мере продвижения от нижней группы к высшей, в то время как у франкоканадцев и почти у всех остальных этнических групп это движение происходит в обратной последовательности. Ближе всех к вершине пирамиды, на которой расположены канадцы британского происхождения, находятся немцы, скандинавы, голландцы; низшие ступени занимают, не считая аборигенов и цветного населения, итальянцы, поляки, украинцы и другие выходцы из стран Юго-Восточной Европы. Франкоканадцы, одна из двух наций Канады, занимают в этой шкале Портера далеко не почетное место: между выходцами из Северной и Восточной Европы. По мнению Портера, такая ситуация существует уже долгое время.

Этническое неравенство, отчетливо проявляющееся в мозаичной пирамиде занятости и профессий, Портер склонен объяснять предрасположенностью той или иной национальной группы к определенному виду социальной и экономической деятельности, традиционностью занятий. Но не следует забывать, что эта «традиционность» часто является вынужденной и возникает под давлением внешних факторов.

Кроме того, социальные различия между этническими группами в Канаде Портер связывает со «статусом въезда» иммигрантов. По его мнению, именно национальная принадлежность предопределяет, какое место в социальной структуре займет иммигрант при въезде в страну. Весьма важен вывод автора о том, что национальные различия внедряются в структуру классового устройства и социального механизма, конструируя тем самым социальное неравенство этнических групп и разделение их на «высшие» и «низшие».

Однако в книге недостаточно учитывается расовая и национальная дискриминация иммигрантов в процессе их интеграции.

Книга Портера, несмотря на ошибочность ряда его теоретических положений, по своему фактическому материалу несомненно представляет интерес для всех, кто изучает современное канадское общество.

Канадские марксисты — проф. С. Райерсон, Э. Бьярнсон и др. — дали высокую оценку монографии Портера. Вместе с тем они подвергли критике методологические взгляды автора, а также его позицию по ряду принципиальных проблем канадской действительности⁴.

³ J. Porter, Указ. раб. стр. 74.

⁴ S. Ryerson, Questions in dispute, «The Marxist Quarterly», autumn, 1965, N 19; E. Bjarnason, Class and elite in Canadian society, «The Marxist Quarterly», winter, 1966, N 16.

А. Ричмонд в статье «Социальная мобильность иммигрантов в Канаде»⁵ пытается выяснить пути и степень социальной мобильности переселенцев, обосновавшихся в Канаде после окончания второй мировой войны. Метод анкетного опроса автор сочетает с использованием материалов статистики. Анкета учитывает первую работу иммигранта по прибытии в Канаду, должность, которую он занимал ко времени заполнения анкеты, а также сведения о профессии и занятиях его отца в том же возрасте на родине. Кроме того, Ричмонд проводит интересное сравнение мобильности двух групп иммигрантов — британской и континентально-европейской. Оказывается, что 43% иммигрантов последней группы находились на низших ступенях социальной лестницы. К соответствующей социальной прослойке относились всего 14% британцев. С другой стороны, 18% британцев и только 8,5% остальных европейцев принадлежали к категории специалистов высшей квалификации и менеджеров. Ричмонд показывает далее, что улучшение социального положения при переходе от старшего поколения к младшему происходит у британцев чаще, чем у остальных европейцев. Например, сыновья служащих из Великобритании, эмигрировав в Канаду, улучшили или сохранили свои социальные позиции, а у иммигрантов из других европейских стран в этом случае наблюдалось явное падение социального статуса. Преимущество первых перед вторыми проявляется также и в том, что большинство британцев, покинувших по разным причинам категорию высококвалифицированных рабочих, перешло в разряд служащих, а большинство остальных европейцев в такой ситуации становилось полуквалифицированными или неквалифицированными рабочими⁶.

Автор считает, что беднейшие слои британского населения неохотно эмигрируют в Канаду. Иммиграция же из континентальной Европы является более пролетарской по своему характеру. По мнению Ричмонда, рабочие физического труда в Англии испытывают более сильную, чем другие жители Британских островов, привязанность к родине. Если же они решаются покинуть родину, их больше привлекает Австралия, куда доступ для них почти не ограничен. Однако предположения Ричмонда относительно причин этого явления недостаточно убедительны. Ближе к истине его дальнейшие пояснения. «Канадские иммиграционные чиновники, находящиеся в Соединенном королевстве,— пишет он,— не слишком поощряли въезд рабочих, не имеющих специальной альности или квалификации. В других же странах они, наоборот, вербовали именно таких иммигрантов».

Ричмонд утверждает, что канадское правительство установило весьма строгие ограничения на въезд иммигрантов с низким уровнем образования. Но якобы несмотря на все усилия правительства, неквалифицированные рабочие, особенно из Италии, пользуясь поддержкой своих канадских родственников, продолжали прибывать в страну. Вместе с тем известно, что в первые послевоенные годы иммиграционные власти сознательно привлекали в страну неквалифицированных рабочих из Италии и других стран для обеспечения дешевой рабочей силой сельского хозяйства и промышленности.

Некоторые выводы автора противоречат материалу и результатам исследования. Ричмонд неоднократно подчеркивает, что переселенцы из Великобритании по сравнению с другими иммигрантами начинали свое пребывание в Канаде «с очень большим преимуществом, поскольку им в меньшей мере приходилось преодолевать языковые преграды, а их профессиональная квалификация была более приемлемой для канадских предпринимателей»⁷. Однако, считает он, британские иммигранты с течением времени, а также по мере аккультурации переселенцев из континентальной Европы, теряли свое первоначальное преимущество. Факты, в том числе и приведенные в работе самого Ричмонда, опровергают его утверждение о постепенной нивелировке различий между двумя группами. Красноречивый пример тому — разительный контраст в социальной мобильности английских и итальянских иммигрантов.

Что же касается общности языка и сходства профессиональной подготовки специалистов в Канаде и Англии, то они несомненно имеют известное значение, особенно на первых порах пребывания иммигрантов в стране. Однако нельзя упускать из виду и такой фактор, непосредственно влияющий на социальную мобильность, как национальная дискриминация. Нельзя забывать и того, что Ричмонд ограничивает свой анализ кругом «экономически независимых лиц» (т. е. людей, получающих доход или заработную плату), исключая тем самым безработных.

Послевоенным иммигрантам посвящена также статья А. Ричмонда «Реэмиграция из Канады в Англию», опубликованная в том же журнале в 1968 г.⁸ В основе исследования лежат данные министерства пенсий и государственного страхования Великобритании, где регистрировались трудоспособные реэмигранты. Другим источником сведений о британских иммигрантах, вернувшихся из Канады на родину, автор не располагал, так как ни в Канаде, ни в Англии не ведется учет иммигрантов подобного рода. Полученные данные о численности реэмигрантов за период 1956—1965 гг. срав-

⁵ A. H. Richmond, Social mobility of immigrants in Canada, «Population Studies», 1964, vol. XVIII, N 1.

⁶ Там же, стр. 58.

⁷ Там же, стр. 67.

⁸ A. H. Richmond, Return migration from Canada to Britain, «Population Studies», 1968, vol. XII, N 2. Эта статья является исправленным вариантом доклада на заседании Канадской ассоциации социологии и антропологии в Оттаве в июне 1967 г.

ниваются со сведениями о трудоспособных британских иммигрантах, приехавших в Канаду в эти же годы.

Число реэмигрантов с 1956 г. постепенно увеличивалось и достигло максимума в 1961 г. Характерно, что в те годы, когда в Канаду переселилось наибольшее число иммигрантов из Великобритании (в 1957—1958 гг.), реэмиграция была очень незначительной. В 1961—1965 гг. английская иммиграция в Канаду сократилась, а число реэмигрантов возросло. Рекорд был достигнут в 1961 г., когда на родину вернулось 66% трудоспособных британских иммигрантов, прибывших в Канаду в течение этого же года. В целом же за период с 1956 по 1960 г. зарегистрированные в Англии для получения пособия реэмигранты из Канады составляли 12,5% от числа трудоспособных британских эмигрантов в Канаду за эти же годы⁹. В 1961—1965 годах соответствующий показатель составил — 31,5%. К сожалению, автор не касается причин таких резких перемен в динамике реэмиграции.

Однако при исследовании одной из групп иммигрантов Ричмонд убедился, что экономические факторы, а также трудности интеграции в канадском обществе побуждают к возвращению на родину, в Англию, более чем треть иммигрантов. Он провел анкетный опрос 400 реэмигрантов и подразделил их на три группы. Наибольший интерес представляет та обследованная группа, которую Ричмонд называет «постоянными репатриантами» (permanent repatriates). Никто из них не собирается возвращаться в Канаду, хотя первоначально они покинули Англию с твердым намерением остаться за океаном. Чаще всего это мужчины старше 35 лет, женатые, с двумя детьми или более, прожившие в Канаде свыше трех лет. Иммигрант этого типа, пишет автор, «испытал безработицу и его возвращение в Англию было вызвано экономическими причинами»¹⁰. Он пришел к решению вернуться в Англию, осознав невозможность достичь в Канаде того же профессионального статуса, что и на родине. Кроме того, ему было трудно интегрироваться в канадском обществе.

Две другие группы реэмигрантов — так называемые «квази-иммигранты», не сбавившиеся с самого начала селиться в Канаде надолго, а также «транзитные иммигранты», путешествующие из одной страны в другую, — значительно отличаются от первого типа. Представители обеих групп относятся к категории служащих. В Канаде они достигли того же статуса, который они имели в Англии, либо даже улучшили его и легко интегрировались в обществе принимающей страны. Тем не менее из «транзитных иммигрантов» 28% вернулись в Англию по экономическим причинам, а 15% потому, что они были неудовлетворены условиями жизни в Канаде.

Статья А. Ричмонда представляет определенный интерес, поскольку возвращение иммигрантов на родину из Канады — нередкое явление. Интересна также попытка автора показать, как влияет на степень социально-экономической и культурной интеграции профессия иммигранта. Однако статья не лишена противоречий, особенно в заключительной части, где делается несколько неожиданный вывод в том, что главные причины реэмиграции — не экономические, хотя вся работа свидетельствует именно об этом.

Из работ, посвященных отдельным национальным группам иммигрантов, заслуживает внимания статья А. Рис-Пауэлла «Различия в процессе интеграции голландских и итальянских иммигрантов в Эдмонтоне»¹¹. В Эдмонтоне, столице провинции Альберта, где каждый четвертый житель является иммигрантом, живет много голландцев и итальянцев. Они представляют в Канаде два различных типа (автор пишет более решительно — «два крайних типа») иммигрантов как по уровню и условиям жизни в стране, так и по степени социального продвижения и интеграции. По терминологии историков иммиграции, голландцы принадлежат к «старым», а итальянцы — к «новым» иммигрантам.

Различия в процессе интеграции исследовались автором на примере послевоенных иммигрантов, не получивших гражданства. Правда, с этой целью было опрошено довольно незначительное число лиц: 60 голландцев и 90 итальянцев.

Рис-Пауэлл утверждает, что «тип приспособления иммигрантов в современной Канаде» отличается от американских образов прошлого. Более того он отвергает точку зрения ученых, рассматривающих международные миграции и связанные с ними процессы как процессы ассимиляции этнических общностей. Аргументируя это положение, Рис-Пауэл подчеркивает, что за некоторым исключением мигрируют не социальные общности или группы, а индивидуумы или отдельные семьи и что идеология самого канадского общества характеризуется больше культурным плюрализмом, чем ассимиляцией¹².

В статье содержится интересный материал по истории иммиграции двух рассматриваемых групп, о численности послевоенной итальянской и голландской иммиграции, об особенностях интеграции и ассимиляции итальянцев и голландцев, о роли церкви

⁹ A. Richmond, Return migration..., p. 264.

¹⁰ Там же, стр. 268.

¹¹ I. A. Rees-Powell, Differentials in the integration process of the Dutch and Italian immigrants in Edmonton, Canada, «International Migrations», Geneva, 1966, vol. 4, N 2.

¹² Там же, стр. 101.

и национальных организаций в этом процессе. В статье дается также профессиональная характеристика обеих групп иммигрантов.

Главный вывод исследования сводится к тому, что «этнос оказывает влияние на степень интеграции» и что голландцы к моменту обследования были более интегрированы, чем итальянцы¹³. Вместе с тем автор признает связь между принадлежностью к определенному «общественному классу» и степенью интеграции.

К сожалению, в статье Ринса-Пауэла нет достаточно четкого разъяснения причин глубоких различий в приспособлении этих двух групп иммигрантов к условиям жизни в Канаде.

Голландским иммигрантам посвящена и статья А. Кавелаарса «Интеграция группы голландских поселенцев в Британской Колумбии»¹⁴. В ней сообщаются результаты обследования 12 голландских семей, прибывших в Канаду в начале 50-х годов и обосновавшихся затем в местечке Фрэзер-Вэлли у Ванкувера. Изучение интеграции и социальной мобильности этой группы иммигрантов опровергает широко распространенное в литературе мнение о легкости интеграции выходцев из Нидерландов, а также представление о голландских иммигрантах как о «процветающих» фермерах.

Голландцы, обследованные Кавелаарсом, приехали в Канаду в надежде обзавестись собственной фермой. Но действительность, как свидетельствует автор, обманула их ожидания. Им пришлось столкнуться с тяжелыми условиями труда, с низкими заработками, с безработицей. Расставшись с мечтой о покупке фермы, почти все они были вынуждены наняться в качестве рабочих на торфоразработки в Фрэзер-Вэлли.

Несмотря на то, что в Канаду эти голландцы прибыли в разное время и поодиночке, здесь они поселились вместе. Такое поселение автор называет «гравитационным». Оно характерно, по его мнению, для иммигрантов, говорящих на одном языке имеющих общую религию и испытывающих экономические трудности. Хотя это объединение временное, оно тем не менее оказывает большое влияние на процесс интеграции, затрудняя и замедляя социальную интеграцию группы в целом и ослабляя зависимость иммигрантов от внешнего мира. Постепенный переход голландцев на другую работу вызвал к концу пятилетнего периода распад «гравитационной группы». Ликвидация обособленности поселения сократила путь к социально-экономической интеграции.

Значительно более медленными темпами идет здесь процесс «культурной интеграции». Автор рассматривает роль семьи, языка и религии в этом процессе. В некоторых случаях выделение из старых семей новых сопровождается ослаблением связей с родными в Голландии, что стимулирует культурную интеграцию.

Языком первого поколения иммигрантов как в семье, так и в общении между соотечественниками продолжает оставаться голландский язык, который, однако, претерпевает известную эволюцию, вбирая в себя английские термины, идиомы, иногда целые фразы и конструкции. Родным же языком их детей уже с самого начала становится английский, причем ничем не отличающийся от языка канадских детей.

Важное значение в работе придается роли церкви. Церковь, по мнению автора, задерживает культурную интеграцию голландских иммигрантов, поскольку в период их тесных контактов между собой и в условиях совместного поселения, посещение церкви, будучи нормой их социального поведения, способствует этническому обособлению. В то же время Кавалаарс утверждает, что церковь «поощряет социальную интеграцию» тем, что привлекает иммигрантов к «общественной» работе в различного рода голландских церковных ассоциациях и школьных советах. Успешной интеграции иммигрантов помогает отсутствие в районах их расселения других сплоченных национальных меньшинств. В этом автор видит преимущество «молодых провинций» вроде Британской Колумбии.

Работа Кавалаарса показывает, что процесс интеграции в канадском обществе даже для таких «предпочтительных» иммигрантов, какими считаются выходцы из Нидерландов, сопряжен со значительными трудностями.

Кризис конфедерации и обострение англо-франкоканадских отношений находят отражение в том, что в работах различных авторов даются весьма разные оценки как иммиграции и ее последствий, так и иммиграционной политики Канады. Проявляющиеся в таких работах англосаксонский шовинизм или же франкоканадский национализм и его крайняя разновидность — квебекский сепаратизм, несмотря на различие и противоположность их выводов и оценок, имеют общие корни — идеологию буржуазного национализма.

Поскольку англоканадская буржуазия имела и имеет возможность определять иммиграционную политику государства, а тем самым ход, содержание и характер переселенческого движения, буржуазия Квебека, лишенная таких возможностей, естественно, должна была занимать по отношению к иммиграционной политике Оттавы резко отрицательную позицию. Такой подход особенно характерен для ряда работ, авторы которых принадлежат к лагерю крайних националистов.

¹³ I. A. Rees - Powell, Указ. паб., стр. 108.

¹⁴ A. Cavelaars, Integration of a group of Dutch settlers in British Columbia, «International Migration», Geneva, 1967, vol. 5, N 1.

К их числу относится Р. Морен, автор книги «Иммиграция в Канаду»¹⁵, выпущенной в свет квебекской организацией «Аксон насёнал» в 1966 г. Иммиграцию в Канаду, особенно начиная с XX в., автор уподобляет троянскому коню, введенному оттавским правительством в страну для того, чтобы сломить сопротивление франко-канадской нации, чей легендарный «реваниш люльками»¹⁶ оказался, по его словам, столь успешным в прошлом. Сознательно проводимой политикой объясняет он и численный перевес иммигрантов британского происхождения над французами за последние пятьдесят лет (почти 3 млн. против 112 тыс.)¹⁷.

Не подлежит сомнению, что негативный подход квебекского общественного мнения к иммиграции является в значительной мере реакцией на стремление господствующих классов использовать иммиграцию в качестве орудия укрепления англосаксонской гегемонии в Канаде. В качестве подтверждения можно сослаться хотя бы на публичное выступление министра иммиграции в 50-х годах Харриса, заявившего весьма откровенно: «Мы делали все возможное, чтобы увеличить число иммигрантов британского происхождения...»¹⁸.

Р. Морен обвиняет правительство в том, что в своей иммиграционной политике оно руководствовалось не канадскими, а британскими интересами, о чем, в частности, свидетельствует заявление министра иммиграции Никольсона, назвавшего в 1965 г. Англию «центром Содружества» и подчеркнувшего, что именно в Англии «берет свое начало канадская нация»¹⁹.

Со своей стороны, Р. Морен не скрывает, что к оценке иммиграционных проблем он подходит не с общеканадской точки зрения, а с франкоканадской, квебекской. Сущность его концепции сводится к следующему. Квебек является «национальным государством канадских французов». Его задача — создать мощную национальную экономику, развивать «христианскую общественную жизнь и воссоздать на американской земле французскую действительность»²⁰. Однако первым и важнейшим элементом этой «программы национальной эмансипации» является количественный рост франкоканадского населения. Между тем, несмотря на абсолютные цифры роста, относительная доля франкоканадцев в общеканадском демографическом балансе непрерывно падает. На октябрь 1965 г. 5 млн. 692 тыс. квебеков составляли всего 28,8% населения. А «для того, чтобы восстановить влияние», — пишет Морен, — которое мы имели в 1871 г., следовало бы увеличить нашу долю до 40%»²¹.

В то же время, отмечает автор, подавляющее большинство переселенцев, прибывающих в Квебек, «из-за плохого отбора иммигрантов» покидают провинцию. Автор негодует по поводу того, что из всех послевоенных иммигрантов, поселившихся в Квебеке, 25,6% были британского происхождения и лишь 13,4% — французского²². Наиболее трагичным Морен считает то обстоятельство, что с начала века из Квебека эмигрировало в США и другие страны свыше миллиона франкоканадцев²³.

Морен с горечью констатирует, что в иммиграционном управлении министерства гражданства и иммиграции, в котором занято около 2 тыс. чиновников, осуществляющих руководство всей иммиграционной политикой страны, «не пользуется влиянием ни один француз»²⁴. Самое же главное, по его мнению, заключается в том, что политика и практика в области иммиграции постоянно нарушают демографическое равновесие двух наций в рамках федерации. Это происходит путем массовой иммиграции британцев и частично путем ассимиляции англоканадцами других этнических групп. Автор требует, чтобы для восстановления «этнического равновесия» иммиграция в течение ближайших 50 лет осуществлялась в пропорции четыре к одному в пользу франкоязычных переселенцев. В другом месте он ратует за то, чтобы 80 тыс. из каждых 100 тыс. иммигрантов, прибывающих в Канаду, были французского происхождения. Такова программа-максимум квебекских экстремистов. «Французская Канада не хочет больше такой иммиграции, которая ее разрушает»²⁵, — восклицает Морен.

Судя по книжке Морена, в Квебеке в настоящее время совершается переход от традиционного отрицания иммиграции к признанию возможности использования ее в качестве эффективного оружия в борьбе против англоканадской гегемонии. Работа Р. Морена — свидетельство определенной эволюции части общественного мнения Квебека в сторону проведения активной иммиграционной политики, причем еще более целенаправленной и националистической, чем та, которая проводилась до сих пор Оттавой в интересах англоканадской буржуазии.

¹⁵ R. Morin, *L'immigration au Canada*, Montreal, 1966.

¹⁶ Имеется в виду лозунг, выдвинутый в Квебеке в конце XVIII в. и призывавший к увеличению численности франкоканадцев в противовес английской гегемонии.

¹⁷ R. Morin, Указ. раб., стр. IX.

¹⁸ Там же, стр. 14.

¹⁹ Там же, стр. 15.

²⁰ Там же, стр. 66.

²¹ Там же, стр. 69.

²² Там же, стр. 77.

²³ Там же, стр. 71.

²⁴ Там же, стр. 88.

²⁵ Там же, стр. 123.

Впрочем в иммиграции фанцузов в Канаду в самые последние годы наметились некоторые существенные сдвиги. В 1966—1967 гг. число иммигрантов из Франции почти удвоилось (в 1967 г. их было свыше 10 тыс.). Этот факт связывается комментаторами не только с ухудшением в эти годы экономической конъюнктуры во Франции, но и с особыми мерами стимулирования франкоязычной иммиграции. Среди иммигрантов, прибывающих в Квебек, постепенно растет доля французского элемента: в 1962 г. французы составляли 11,2% всех иммигрантов, в 1966 г.—15,7%, в 1967 г.—17,5%²⁶. Однако с точки зрения квебекских националистов этого недостаточно.

Как уже отмечалось, франкоканадцы ревниво следят за изменением «этнического баланса»: численным соотношением двух соперничающих наций. Определенный интерес в этом плане представляет статья «Новые данные о рождаемости в Канаде», опубликованная в журнале «Попюласьон» в начале 1967 г.²⁷ В этой работе анализируются данные о росте населения и рождаемости в Канаде в двух основных ее провинциях (франкоязычный Квебек и англоязычный Онтарио) с середины прошлого и до 60-х гг. нашего века. Сравнивая динамику роста населения Французской Канады (Квебек) и провинции Онтарио, автор показывает изменения в показателях рождаемости в обеих провинциях в послевоенные десятилетия. В течение длительного времени Квебек неизменно опережал по рождаемости Онтарио. Однако начиная с 1953 г. разница между провинциями постепенно начала нивелироваться, а в 1963 г. и вовсе исчезла. Анализируя столь заметный рост рождаемости в английской Канаде, а также некоторое ее падение в Квебеке, автор считает одной из главных причин этого явления иммиграцию «Многочисленные иммигранты, осевшие в Канаде, преимущественно в Онтарио, способствуют такой эволюции» — таков основной вывод исследования²⁸.

В данном обзоре рассмотрены лишь некоторые работы, отражающие определенные тенденции в изучении канадской иммиграции после второй мировой войны.

Л. Н. Фурсов

²⁶ L'immigration française, «Europe outremer», Paris, 1968, vol. 45, № 464, p. 47

²⁷ «Population», Paris, 1967, № 2.

²⁸ Там же, стр. 257.

НАРОДЫ СССР

Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, 401 стр.

Имя Л. П. Потапова, крупного исследователя истории и этнографии народов Южной Сибири, широко известно. Его перу принадлежит большое число монографий, очерков, статей, посвященных как комплексной историко-этнографической характеристике отдельных народов, так и разнообразным вопросам истории, хозяйства, социальных отношений, быта и культуры. Работы Л. П. Потапова отличаются глубоким знанием предмета, широтой взглядов и суждений, убедительностью аргументации.

«Очерки народного быта тувинцев» не представляют в этом отношении исключения. Автор посвятил изучению истории и исследованию быта тувинского народа свыше десяти лет, в результате чего накопился огромный материал, который лег в основу настоящей работы. Несмотря на то, что тувинцами занимались и другие исследователи (В. И. Дулов, С. И. Вайнштейн), издавшие ряд трудов, Л. П. Потапову есть что сказать нового: весь богатейший материал, привлеченный в данном исследовании, совершенно оригинален (ранее разработанных тем автор как правило, не касается, отсылая читателя к опубликованным работам). Книга написана живо и интересно и читается легко, несмотря на то, что в ней поднимаются нередко очень сложные вопросы, такие, например, как проблема феодальной собственности, характеристика хозяйственной деятельности и т. п. Вся совокупность очерков дает ясную, хорошо документированную картину народного быта, четкое представление о тувинской народной культуре с ее специфическими особенностями.

Остановимся более детально на отдельных очерках, вошедших в работу. В первом из них «Исторические сведения о тувинских племенах XVII—XVIII вв.» автор кратко излагает историю тувинцев, находившихся сначала под властью калмыков и китайцев, а затем под владычеством царской России. Здесь Л. П. Потапову пришлось проделать большую аналитическую работу по отождествлению исторических наименований тувинских племен с их современными названиями. Этот анализ продолжен, по существу, и во втором очерке («Этнический состав и расселение тувинцев в XIX—начале XX в.»). Приводя административное деление, существовавшее при китайском владычестве, автор показывает как старинное кровнородственное родоплеменное деление сложно переплеталось с административным, введенным китайцами. Терпеливо распутывая этот сложный узел, Л. П. Потапов отмечает смешанность этнического состава, которая хорошо прослеживается по этнонимам, начиная со времен тюркского каганата, далее тяготеющих к средневековым уйгурам, монголам, кирги-